

Московский педагогический
государственный университет

ОБЩАЯ И РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной памяти доктора филологических наук,
профессора Валентина Ильича Зимина

г. Москва, 26 ноября 2021 г.

Москва 2022

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

ОБЩАЯ И РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ:
ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти доктора филологических наук,
профессора Валентина Ильича Зимина

г. Москва, 26 ноября 2021 г.

Под общей редакцией О. И. Авдеевой

МПГУ
Москва • 2022

УДК 81'373
ББК 81.053.6я431
О-28

DOI: 10.31862/9785426311954

Рецензенты:

А. М. Камчатнов, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общего языкознания Института филологии
Московского педагогического государственного университета

М. Л. Ковшова, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
руководитель семинара «Лингвокультурологические исследования»

Ответственный редактор:

О. И. Авдеева, доцент, кандидат филологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Л. Г. Чапаева, профессор, доктор филологических наук, профессор

Е. В. Огольцева, доцент, доктор филологических наук, профессор

Л. Г. Латфуллина, доцент, кандидат филологических наук, доцент

М. И. Шаповалов, доцент, кандидат технических наук, доцент

С. В. Сухов, кандидат филологических наук, доцент

А. Р. Горелов, аспирант кафедры общего языкознания

О. И. Стремянова, аспирант кафедры общего языкознания

Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина, г. Москва, 26 ноября 2021 г. / под общ. ред. О. И. Авдеевой. – Москва : МПГУ, 2022. – 490 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1195-4

Сборник содержит статьи участников Международной научно-практической конференции «Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина, которая была проведена кафедрой общего языкознания Института филологии Московского педагогического государственного университета (Москва, 26 ноября 2021 г.). Статьи посвящены проблемам современной и исторической фразеологии и методике преподавания фразеологического материала на разных уровнях обучения русскому языку. Сборник содержит исследования ученых-фразеологов из России, Беларуси, Украины, Китая, Вьетнама, Болгарии, Италии, Германии; адресован лингвистам-исследователям, преподавателям высшей и средней школы, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами русской и сопоставительной фразеологии.

УДК 81'373

ББК 81.053.6я431

ISBN 978-5-4263-1195-4
DOI: 10.31862/9785426311954

© МПГУ, 2022
© Коллектив авторов, 2022

DOI: 10.31862/9785426311954-242-253

Савченко А.В.,

Государственный университет

Чжэнчжи,

Тайвань, г. Тайбэй

Хмелевский М.С.,

Санкт-Петербургский

государственный университет,

Россия, г. Санкт-Петербург

**СЛАВЯНСКАЯ
«ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ»:
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
С КОМПОНЕНТОМ-ОЙКОНИМОМ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы, основу которых составляют топонимы-ойконимы, выявляется механизм формирования метафорического образа. Отдельно затронут аспект национальной специфичности фразеологизмов с компонентом-ойконимом.

Ключевые слова: топонимическая фразеология, фразеологизм, ethnosymbol, топоним, ойконим.

Alexandr Savchenko,

*National Chengchi University,
Taiwan, Taipei*

Michael Khmelevsky,

*Saint Petersburg State University,
Russia, St. Peterburg*

**SLAVIC “TOPONYMIC PHRASEOLOGY”:
PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH AN OIKONYM COMPONENT
IN SLAVIC LANGUAGES**

Abstract. The article discusses phraseological units, which main metaphorical component comprises certain toponyms-oikonyms, the mechanism for the formation of a metaphorical image of such units is revealed. In addition, the aspect of national specificity of the phraseological units with an oikonym component is touched upon.

Keywords: toponymic phraseology, phraseological unit, ethnosymbolism, toponym, oikonym.

Одним из наиболее репрезентированных разделов фразеологического фонда славянских языков и наиболее частотных в употреблении фразеологических единиц (ФЕ) составляют выражения, относящиеся к тематической группе, которую можно обозначить как «топонимическая фразеология». В нее входят фразеологизмы, в основе метафорической модели которых заложен определенный топонимический компонент: слово (resp. сочетание слов), называющее географическое место – природный либо географический объект, возникший естественным путем или созданный человеком.

В зависимости от характера, типа обозначаемого объекта топонимы обычно разделяются на несколько подтипов. В данной статье рассматриваются ФЕ с ключевым словом-ойконимом, т.е. те, основу метафорической модели которых составляет название определенного города, выступающего не просто как «географический указатель», а в качестве компонента, ставшего концептуальным для жителей той

или иной страны и реализующего свое культурологическое ассоциативное содержание в идиоматических и устойчивых метафорических единицах, возникших и прочно закрепившихся в языковом ассоциативном сознании народа. Таким образом, ойконим можно считать топонимическим маркером фразеологического значения, в ядре которого содержится какая-либо историко-культурологическая или экстралингвистическая информация, вызывающая те или иные ассоциации, причем не только в исторической памяти, но нередко и на подсознательном уровне [8, с. 58].

В последние десятилетия все больше внимания лингвистов-компаративистов, в том числе и фразеологов, уделяется вопросам выявления этнокультурных особенностей и способов их реализации в различных языках [7, с. 3]. Нам представляется, что «топонимическая фразеология» являет собой один из наиболее показательных примеров отражения в языке национальной специфики и культурологической этносимволики.

Превалирующее большинство ФЕ, содержащих в себе топоним, относятся к непереводаемым, т.е. к не имеющим аналогов в других языках устойчивым фразеологизированным оборотам с особым национальным колоритом языкового мышления того или иного народа и со свойственным таким единицам специфическим образно-ассоциативным наполнением, возникающим в культурологическом сознании определенной нации. В этом аспекте корпус топонимических фразеологизмов можно разделить на следующие основные группы, в зависимости от источника происхождения и соотношения «фразеологическая универсалия – национально специфическое» (все примеры в статье взяты из фразеологических словарей и научных работ по рассматриваемому вопросу, см. список использованной литературы):

- 1) интернациональные ФЕ, относительно немногочисленные в количественном отношении: *все дороги ведут в Рим, Содом и Гоморра, увидеть Париж и умереть, идти в Каноссу*, а также аналогичные чешские: *všechny cesty vedou do Říma, Sodoma (a) Gomora, Vidět Paříž a zemřít, jít do Canossy*; польские: *wszystkie drogi prowadzą do Rzymu, Sodoma i Gomora, zobaczyć Paryż i umrzeć, pójść do Canossy* и др. Как правило, бóльшую часть

подобных фразеологизмов составляют выражения, связанные с античной культурой, и фразеологизмы-библейзмы;

- 2) ФЕ, в которых компонент-топоним (ойконим), метафоризируясь, выступает в значении уже собственно национального символа. Подобные топонимы-символы, которые у разных народов имеют свой аналог, заменяются в конкретных «национальных» ФЕ по имеющейся общей интернациональной или универсальной модели: *Москва не сразу строилась* и чешская: *Není Řím ani Praha jednoho roku / za jeden rok vystavěn*; *Киев – мать городов русских* и чешская: *Praha matka měst*; *Москва златоглавая* и чешская: *zlatá Praha, stověžatá Praha* (букв.: «стобашенная»); *Язык до Киева доведёт* – ср. варианты в белорусском: *да Кіева / да Вільна / да Варшавы*, в романских языках – букв. «до Рима», в турецком – «до Мекки», в китайском – «до Пекина» и т.д.;
- 3) топонимические ФЕ с компонентом-ойконимом, отражающие национальный менталитет определенного народа. Подобные фразеологизмы лежат в плоскости этнолингвистики, а заключенный в них топонимический компонент и связанный с ним образ являются уникальными для каждого народа (при наличии или отсутствии универсальной модели); внутренний образ, общее фразеологическое значение в данном случае возможно передать на другие языки лишь описательно или прибегая к поиску приблизительных аналогов, которые все равно не будут тождественны: русские – *Москва слезам не верит*; *Муж в дверь, а жена в Тверь*; *Хоть за ничего, да в Татищеве*; польская – *pisać do Bierdyczowa* («писать кому-л., не надеясь на ответ»); чешская – *dlouhý jako Lovosice* («очень длинный (о времени), высокий (о росте)»), сербская – *obilaziti kao kiša Kragujevac* («обходить стороной, уклоняться (о делах, работе)»); хорватские – *usput je (kome) kao magarcu u Karlovac* («не по пути», букв.: «по пути (кому) как ослу в Карловац»); *ravno kao cesta za Rabac* («о не прямой, извилистой дороге», букв.: «прямо как дорога в Рабац») и т.п. В качестве основы метафорической модели ФЕ в таких случаях используется топоним, который не просто обозначает название населенного пункта,

но и является определенным национальным символом с закрепленными за ним ассоциациями, коннотациями, стереотипами, культурологическим фоном, составляющими образную основу его фразеологической семантики.

Отметим, что подобного рода «этнонациональные» ФЕ находят свое отражение в самом широком понимании предмета фразеологии: кроме «классических» ФЕ, мы сюда также относим устойчивые сравнения (УС), паремии, прецедентные цитаты, а также случаи их языкового обыгрывания (травестийное обыгрывание, использование подобных единиц в так называемых малых формах фольклора, фразеологизированных сочетаниях слов, анекдотах и т.п.).

При анализе функциональной роли непосредственно самого топони́ма как стержневого компонента ФЕ, основы ее метафорической модели, можно достаточно четко выделить две основные группы, где:

- 1) компонент-топоним, метафоризируясь (внутри ФЕ, УС, паремий, присказок или устойчивых эпитетов), сохраняет свою функцию как имени собственного, т.е. свою непосредственную соотнесенность с конкретным городом, который он называет, например: *Киев – мать городов русских; Кто в Москве не бывал – красоты не видал; Питер женится, а Москва замуж идёт; В огороде бузина, а в Киеве дядька; В Астрахани и коро-вы рыбу едят; Тюмень – столица сибирских деревень; Вязьма в пряниках увязла;* чешские: *Praha matka měst; stověžatá Praha; je starý jako Praha* и т.п.;
- 2) в то же время, подвергаясь дальнейшему образному семантическому переосмыслению и приобретая (новое) концептуальное значение, данный ойконим фактически утрачивает чисто «топонимическую» функцию и живет в языке уже в том или ином широком фразеологическом значении, без привязанности к определенному географическому месту: русская – *Москва слезам не верит* («нет веры чьим-л. жалобам»), *Кому нужно, и в Москву недалеко* («нужда вынудит совершить большие дела»), *рука Москвы* («о вмешательстве политики СССР, России в дела других стран») (ср. пропагандистский штамп советской прессы времен «холодной войны»: *рука Запада*); *как швед под Полтавой* («пропасть, исчезнуть»), *как француз под Москвой*

(«замерзнуть»); украинские – *аж Київ видно* («широко, далеко») (ср.: *Рота розкрив, аж Київ видно*), *На кого біда нападає, той до Києва йде* («У кого беда случится, тот на многое готов»); чешские – *skví se jako Pardubice* («ярко блеснуть»), *být už z Prahy doma* («наконец, понять, осознать что-л»); польская – *wieje jak na dworcu w Kielcach* («о сильном ветре»), сербская – *obilazi kao kiša Kragujevac* («уклоняться от дел, избегать дел, работы»); хорватские – *biti (zreo) za Šibenik* («быть сумасшедшим»), *tvrd kao da je iz Totovca* («очень упрямый») и др.

Рассмотрение ФЕ с точки зрения наличия в них топонимического компонента, имеющего определенную национально-культурную специфику, дает возможность лингвисту подойти к их изучению и описанию (resp. лексикологической паспортизации) не только с формальной точки зрения, т.е. определения значения данных ФЕ, их стилистической принадлежности или узусных характеристик, но и обнаружить в семантике такого типа ФЕ экстралингвистическую информацию об особенностях национальной культуры, истории страны, специфике менталитета и отчасти – те элементы, из которых складывается образ так называемой «внутринациональной картины мира». С помощью такого подхода можно, в частности, обнаружить целую «тематическую палитру» значений, связанных не только с чисто «топонимико-географическими» сведениями, но и с конкретным историко-культурным фоном, что дает возможность классифицировать их именно по такому принципу, выделив основные группы.

1. Факты из истории страны: *как швед под Полтавой; согрелся в Москве, да замерз в Березине* (аллюзия на отступление наполеоновских войск); *Вятка – всему богатству матка* (отсылка к временам, когда Вятка была богатым городом (через Вятку по Волге проходила вся торговля из Южной России в Центральную и Западную)); в зафиксированной В.И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа» поговорка *Азов был славен, Смоленск – горд, а Вильна – дивна* отражена русская военная история; *dopadnout/pochodit jako sedláci u Chlumce* (букв.: «получиться/выйти как с крестьянами под Хлумцем», т.е. «потерпеть поражение, фиаско, ничего не добиться»). Фразеологизм возник на основе исторического события, когда в 1775 г. в городе Хлумец было подавлено народное восстание).

2. Нравы и быт: *Хоть за нищего, да в Конищево/Татищеве* (Конищево – село в двух километрах от Рязани, Татищево – поселок под Саратовом; употребляется без отнесенности к определенному населенному пункту в значении «выдать замуж по соседству, по близости»), *бей челом на Туле, а щипи в Москве*; чешская – *Je vod Drážďan, ne vod Verouna* (о мужчине, который предпочитает флиртовать, избегая серьезных отношений и женитьбы); хорватская – *Lilja iz Buljuka* (о безвкусно одетой женщине (Булук – маленький населенный пункт в Боснии вдали от путей сообщения)).

3. Национальный колорит: русская – *Славна Астрахань осетрами, а Сибирь соболями; В Тулу со своим самоваром*; чешская – *vědět/ poznat, zař je v Pardubicích perník* (пардубицкий пряник – своеобразный аналог тульского пряника – популярное кондитерское изделие, ставшее чешским «культурно-фразеологическим» феноменом; выражение приобрело ироническое значение «знать/узнать, где раки зимуют»).

4. Ассоциации, возникающие в сознании носителей языка в связи с тем или иным топонимом: *Ездил чёрт в Ростов, да напугался крестов; Москва славна калачами, а Путир усачами; Вязьма в пряниках увязла*; сербская – *obilaziti kao kiša oko Krađujevca* (букв.: «обходить как дождь вокруг Крагуеваца»); ФЕ употребляется уже без отнесения к определенному ойкониму в значении «избегать чего-л., уклоняться от какого-л. дела, работы». Основой для создания такого образа послужило географическое расположение города в особом микроклимате, где очень редко бывают дожди, так как тучи из-за холмов, окружающих город, обходят его стороной, и он известен как место с минимальным количеством осадков в год. А вот в основу чешской ФЕ *táhnout se / být (dlouhý) jako Lovosice* легло представление о необычно вытянутой форме города. Этот фразеологизм имеет следующие значения:

- длиться слишком долго и при этом быть скучным и утомительным;
- быть очень высоким и худым.

В основу чешского УС *skví se jako Pardubice* положен образ новой блестящей жестяной крыши на одной из главных башен города, которая на ней появилась после случившегося в XVI в. пожара. А чешский фразеологизм *nedovedeř vodyna Tábor* связан с особенностью местоположения города – высоко на холме, что создавало трудности с обеспечением города водой (как правило, используется в значении «бесполезно исправлять кого-л. или что-л.»).

5. Фольклорные, мифологические представления. Так, например, русская поговорка *В огороде бузина, а в Киеве дядька* обычно трактуется паремиялогами как оксюморон, синонимичный другой паремии – *Я ему про Фому, а он мне про Ерёму* или *Кто в лес, кто по дрова* (в общем значении «для собеседников нет общей темы»). Этимологически и генетически, это украинское выражение *На городі бузина, а в Києві дідько*, где *дідько* – «нечисть, черт», а *бузина* – ведьмовская ягода в Лысых горах, которых в Киеве было много (древний элемент восточнославянского фольклора, связанный с колдовством и темными силами). Согласно другим трактовкам, привлекающим украинский языковой материал, выражение может считаться не поговоркой, а пословицей, так как имеет назидательный характер и используется как предостережение об опасности. Украинская пословица построена по характерной для украинского фольклора модели: «в огороде что-то, это может означать что-то», например: *На городі чорна редька, любить, мамо, мене Петька, ой, мамо, що буде, як він мене не візьме; На вгороді калинонька, на обніжку бузина, чоловік мій у дорозі, десь поїхав, та й нема...* – в этих и многих других подобного рода фольклорных зачинах, выполняющих функцию своеобразных предзнаменований, примет, выражается идея плохого предчувствия, некоего предзнаменования чего-либо негативного, а частотность данной модели в украинском народном творчестве служит дополнительным подтверждением вышеуказанной этимологической трактовки русской поговорки.

ФЕ-ойконимы рассматриваемой тематики могут возникать на основе прецедентных текстов, в частности киноцитат, как, например, в случае с ФЕ *Hliník se vodstěhoval do Humpolce* (букв. «Глиник (имя персонажа. – *Прим. авт.*) переехал в Гумполец»), употребляющейся в контексте «кого-л. здесь нет, поэтому на этого человека нельзя рассчитывать; человек сейчас отсутствует и искать его нужно позже или в другом месте и т.п.» (из фильма «Маречек, подайте мне ручку!», 1976).

6. Отношение народа к столице своей страны. Здесь отметим, что в русском языке, по сравнению с другими языками, мы обнаруживаем множество ФЕ, УС и паремий, в которых используется данный ойконим, и по которым можно составить общую картину роли Москвы в сознании носителя русского менталитета. Подобные ойконимические ФЕ, в соответствии с их значениями, можно разделить на несколько основных тематических групп, в частности:

- красота города: *По Москве ходить – глаз не сводить; Кто в Москве не бывал, красоты не видал;*
- неприступность перед врагами: *На Москву пойдёшь – костей не соберёшь;*
- гостеприимство: *Москва-столица – для всего мира светлица;*
- большие размеры, многолюдность: *В Москве людей, что на дубе желудей;*
- богатство и купеческий дух: *Москва – людна и хлебна; В Москве калачи, что огонь горячи; Москву селёдками не удивишь;*
- централизованность России: *Что одобрено Москвой, то и признано страной; Живи, ребята, поколи Москва не проведала;*
- суровый нрав: *Москва бьёт с носка, Москва слезам не верит, ей дело подавай и др.,* многочисленные как с точки зрения лексико-семантических групп, так и количественно представленных в русском языке единиц [9, с. 528 и сл.].

В других славянских языках ФЕ и паремий, где в качестве основы метафорического образа выступает название столицы, мы находим значительно меньше. Так, русской поговорке в точности соответствует украинская: *Язык до Києва доведе*, в которой сохранилась устаревшая лексема *язык* (ср. укр.: *мова*), т.е. «дойти до искомой цели, расспрашивая людей», с вариантами: *Язык до Кия доведе; Язык не тільки до Києва доведе, але і до Кия; Язык до Києва доведе, а в Києві заблудить; Лихий язык до Києва не доведе* и т.д. В поговорке *У Києві не женись, а Ромнах коней не міняй* (ср. рус.: *менять коней на переправе*) отражено предупреждение об опасности в большом городе, о чем-либо недобром.

В чешском языке метафорический образ «суровой столицы» строится на контрасте положительной и отрицательной сторон жизни в столичном городе: ФЕ *V Praze blaze, ale draze* (букв.: «в Праге благодать, но дорого»), дает представление о веселой, комфортной, но в то же время дорогой жизни в столице (ср. рус.: *Деревня родна краше Москвы; Хороша Москва, да не дома; Москва – царство, деревня – рай* и др.). В свою очередь, фразеологизм *Být/bejt (už) z Prahy doma!* метафорически передает мысль о том, что чем дальше от столицы, тем жизнь понятнее, спокойнее, в отличие от неразберихи и суевы мегаполиса (общее значение ФЕ: «что-то наконец стало понятным, ясным; ситуация прояснилась»).

Значение зря потраченного времени и сил из-за поездки в большой столичный город отражено в такой сербской поговорке, как *Marko u Beograd, Marko iz Beograda* и ее хорватском аналоге *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba*, которые употребляются в значении «напрасно что-либо делать, переливать из пустого в порожнее; о невыполненном деле». Отметим, что данная пословицная модель встречается и в украинском языке в том же значении: *Дурень у Київ, дурень з Києва*. У черногорцев довольно распространена и такая устойчивая присказка, как *Stani na stolicu da vidiš Beograd!* (букв.: «встань на стул, и увидишь Белград»), употребляемая в отношении ребенка в значении: «станешь выше, далеко будешь видеть; почувствуй себя большим», здесь же можно провести параллель с украинским УС *аж Київ видно* («широко раскрыть, высоко поставить что-либо») или *як до Києва рачки* (букв.: «на карачках») в значении «кому-либо далеко до кого-либо (о неравном социальном положении)».

Как видно из большинства представленных выше примеров, с большими городами (в первую очередь, со столицами) нередко стереотипно связаны негативные коннотации: представление как о небезопасном, а точнее – непонятном, чужом месте, где может случиться что-то нехорошее, где трудно ориентироваться и т.п.

Образ крупного города (не только столицы) метафорически переосмыслается в ФЕ, при этом компонент-ойконим выступает в роли интенсификатора общего значения: «в большой/значительной мере/степени; в большом объеме» и т.п. В качестве примера назовем ряд УС со стержневым словом-названием крупного чешского города *Brno* (неофициально считающегося столицей Моравии), построенных по общей модели: *byla to facka/pětká/flek/lež jako Brno* (общее значение: «что-либо было в значительной степени большим, сильным, неприятно интенсивным; о чём-то, что вызвало сильное раздражение, очень неприятном, пугающем», *to byla facka jako Brno* («это был очень сильный, резкий, неожиданный удар (открытой ладонью) по лицу, оплеуха»); *(to je) ostuda jako Brno* («большой позор, дающий повод смеяться над кем-либо другим») или выражение *byla to lež jako Brno* («о большом обмане, большой лжи»). ФЕ *je to jasný/jasně jako Brno* употребляется в значении «абсолютно ясно и понятно».

7. Стереотипы о географической удаленности населенного пункта: *Бабка от бабки, как от Москвы до Вятки; Копна от копны, как*

от Ростова до Москвы и др. Польская ФЕ *писаć do Berdyczowa* употребляется в значении «писать письмо, не ожидая ответа» (аналог русской фразеологизированной крылатой фразы на деревню дедушке), в которой сохранилось представление поляков о городе Бердичеве (ныне Украина), находившемся на окраине Речи Посполитой. В действительности эта ФЕ (также в качестве шуточного намека на отказ продолжать общение *Pisz do mnie na Berdyczów!* (ср. русский прецедентный текст из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев»: *Ну, пока! Пишите письма!*)) в современном польском языке изменила свою первоначальную семантику. Ранее Бердичев являлся важным торговым центром, куда съезжались купцы из разных стран, по этой причине и ФЕ употреблялась в значении «писать письма деловым партнерам», которые обязательно прочтут их сразу же, как только снова придут на очередную ярмарку.

В заключение, в качестве яркой и при этом весьма показательной иллюстрации функционирования ФЕ с ойконимами, утратившими свою соотнесенность с конкретным местом, которое они называют, приведем цитату из «Воспоминаний» Н.П. Макарова: *«Пошёл я один без провожатого – не боясь заблудиться в лабиринте московских улиц и переулков, зная пословицу “Язык до Киева доведёт”»* [1].

Таким образом, в общем фразеологическом фонде можно выделить особую тематическую группу ФЕ, которую мы обозначили как «топонимическая фразеология». Среди ключевых компонентов ойконимов, легших в основу метафорического образа фразеологизма, в первую очередь выделяются названия столиц как наиболее репрезентативных культурно-национальных маркеров. По нашим наблюдениям, русский корпус топонимических фразеологизмов выделяется на общем фоне славянских языков количеством ФЕ с ключевым компонентом-названием столицы (Москва; при этом, данный ойконим довольно частотен и в фразеологическом фонде других славянских языков). К другой большой группе можно отнести ойконимы, связанные с историко-культурным наследием мировой цивилизации (главным образом, христианского мира); сюда относятся ойконимы-библейзмы, города, играющие важную роль в европейской истории и культуре благодаря связанным с ними важным историческим событиями и культурным феноменам.

Проведенный нами анализ ФЕ «географического характера», в данном случае с ключевым компонентом-ойконимом, выявляет общие семантические модели формирования фразеологического значения и принципы формирования метафорического образа и связанных с ним коннотаций у ФЕ такого типа, одновременно демонстрируя специфику отдельных славянских языков.

Литература

1. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&dict_id=127 (дата обращения: 24.09.21).
2. Выхованец Н.А. Топонимы в русской фразеологии // Эпоха науки. 2017. № 12. Гуманитарные науки. С. 188–192.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. 433 с.
4. Крејчи П.П. Регионални топоними у српској, хрватској, бугарској и чешкој фразеологији // Јужнословенски филолог: LXXIV, св. 2 (2018). Београд: САНУ, 2018. С. 185–198.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
7. Осыка М.В. Топонимические фразеологизмы в национальной концептосфере (на материале русской и французской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород: БГУ, 2010. 22 с.
8. Савченко А.В., Хмелевский М.С. «Города и веси» в русской фразеологии в концептуальном и лингвострановедческом освещении // Мир русского слова. 2020. № 4. С. 56–65.
9. Хмелевский М.С. «Москва... как много в этом звуке...» – прецедентные ойконимы в аспекте русской лингвокультурологии (на примере концепта «Москва») // Этнокультурные феномены в образовательном процессе: сб. науч. статей по итогам Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 27–28 октября 2021 г.). Чебоксары: ЧГПУ, 2021. С. 526–533.
10. Menac-Mihalić M. O hrvatskim dijalektnim frazemima s toponimom kao sastavnicom // Folia Onomastica Croatia. 2010. № 19. Zagreb: HAZU, 2010. S. 203–222.
11. Slovník české frazeologie a idiomatiky 1. Přirovnání. Hl. red. František Čermák, Jiří Hronek a Jaroslav Machač. Praha: Leda, 2009. 507 s.
12. Stěpanovová L. K etymologii frazeologismů s vlastními jmény // Naše řeč: roč. 72, čís. 1. Praha: ÚJČ AV ČR, 1989. S. 20–28.